
История идей

Евгений БЕРКОВИЧ

БРАТЬЯ МАННЫ В «ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ»

*Страница биографии, о которой писатели
предпочитали не вспоминать*

Аннотация. Работа посвящена исследованию малоизученного периода жизни Генриха и Томаса Маннов, когда оба брата в 1895—1896 годах сотрудничали с откровенно антисемитским журналом «Двадцатый век». Анализируются основные работы, опубликованные в этом журнале, отмечаются общие черты и различия стилей писателей. Подчеркивается своеобразие эволюции каждого из авторов в изображении еврейского мира.

Ключевые слова: Т. Манн, Г. Манн, «Двадцатый век», антисемитизм, еврейский мир.

Евгений Михайлович БЕРКОВИЧ, историк науки и литературы, публицист, главный редактор журнала «Семь искусств» и сетевого портала «Заметки по еврейской истории». Кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, доктор естествознания (Германия). Наиболее важные книги: «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста» (2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (2018). Email: evgberkovitch@gmail.com.

Братья Манны и еврейский вопрос

Тема «Томас Манн и еврейский мир» в советское время старательно замалчивалась. Достаточно сказать, что в превосходной биографии писателя, написанной одним из лучших знатоков его творчества Соломоном Аптом [Апт], слово «еврей» на 352 страницах книги встречается всего 4 раза! Конечно, составить представление об отношении Манна к острому еврейскому вопросу, волновавшему писателя всю сознательную жизнь, по такой монографии невозможно.

Поразительно, но ненамного лучше до недавнего времени обстояло дело и на родине Томаса Манна, где его по праву считают одним из столпов немецкой культуры и где ежегодно выходят десятки книг, проводятся многочисленные семинары, конференции, посвященные жизни и творчеству Волшебника, как его называли в семье. Первый коллоквиум по теме «Томас Манн и евреи» прошел в Берлине лишь в 2002 году, почти через пятьдесят лет после смерти писателя. До этого любые сомнения в безупречной репутации нобелевского лауреата и в отношении нацистской Германии, и в отношении евреев рассматривались как злейшая крамола и попытка подорвать авторитет человека, считавшегося символом новой Германии как в ФРГ, так и в ГДР. Общее мнение, господствовавшее в немецкоязычном литературоведении того времени, выразил известный издатель, писатель и литературный критик Мартин Флинкер в книге «Политические размышления Томаса Манна в свете сегодняшнего времени»: «Связывать имя Томаса Манна с антисемитизмом — значит его совсем не понимать, его совсем не знать и отрицать ценность его работ»¹ [Flinker: 151].

Образ убежденного антифашиста, непримиримого борца с националистическими предрассудками, прежде всего с антисемитизмом и расизмом, сложился и в отечественном манноведении. Наиболее полно эта сторона характера и особенность творчества писателя представлены в сборнике «Томас Манн о немцах и евреях» [Томас...]. В этом сборнике

¹ Перевод с немецкого здесь и далее мой. — Е. Б.

все правда: и острые антигитлеровские памфлеты, и пламенные обращения к немецким слушателям с критикой нацизма в годы Второй мировой войны, и обличения антисемитизма в Мюнхене, и полный горечи доклад «О гибели евреев Европы»... Все это правда, но не вся правда. О двойственном отношении писателя к еврейскому вопросу начали серьезно говорить только в XXI веке (см., например, мои работы [Беркович 2008], [Беркович 2011], [Беркович 2012]). Окажется, наряду с «убежденным филосемитом», как писатель назвал себя в эссе «Решение еврейского вопроса» [Mann, *Die Lösung*...], есть другой Томас Манн, рисовавший в художественных произведениях персонажей-евреев, как правило, только черными красками, допускавший в спорах с литературными оппонентами-евреями грязные антисемитские ярлыки и штампы, а первые законы Гитлера, направленные против евреев, воспринимавший с одобрением, находя в них рациональное зерно...

Не случайно сын писателя Голо Манн утверждал, что от антисемитизма его отец «никогда не избавился (его брат тоже нет)» [Mann, Reich-Ranicki: 76].

Картина «Томас Манн и еврейство» перестает быть простой и одноцветной, как казалось ранее, а задача исследователя жизни и творчества писателя усложняется. Отношение Томаса Манна к евреям менялось с течением времени, но продолжало колебаться между двумя полюсами: от отчуждения («я, рожденный немцем, не такой, как вы») до слияния («я такой же изгой, как евреи»). Отбросить одну краску в этой картине так же невозможно, как разделить полюса у магнита или оставить земной шар только с одним полярным кругом.

В творчестве старшего брата еврейская тема отражалась иначе. Если в молодые годы, в конце XIX— начале XX века, Генрих стоял на позициях национализма, исповедуя антисемитизм в самой агрессивной форме, граничащей с нацизмом, то потом его мировоззрение круто изменилось, и он перешел на сторону активных борцов с фашизмом и расовой нетерпимостью.

Понять и оценить эволюцию взглядов писателей поможет изучение их первого опыта в написании и редактировании антисемитских текстов в процессе сотрудничества с реакционным журналом «Двадцатый век».

Генрих Манн в «Двадцатом веке»

Совсем молодым человеком и начинающим литератором Томас Манн принял участие в редактируемом старшим братом журнале «Двадцатый век», последовательно развивавшем националистические идеи. Антисемитским считали журнал «Двадцатый век» сами антисемиты. Например, в опубликованном в 1893 году журналом «Немецкие социальные тетради» перечне печатных изданий Германии журнал «Двадцатый век» попал в рубрику «Издания общеантисемитского направления». Тот же орган регулярно публиковал аннотацию статей очередного номера журнала «Двадцатый век» с настоятельным советом своим читателям основательно с ними ознакомиться. Журнал вошел в составленный известным антисемитом Теодором Фричем «Катехизис антисемитов» [Fritsch].

Главным редактором «Двадцатого века» Генрих работал с апреля 1895-го по март 1896-го, хотя печататься там начал с 1893 года. Соответственно, недолгим было и участие в издании Томаса Манна. Но оно предельно четко показало его взгляды в то время. Известный социолог Штефан Бройер так оценил участие братьев Маннов в журнале «Двадцатый век»:

В таком идеологически заряженном окружении человек находится не потому, что не понимает, что он делает, и не потому, что ему нужны деньги, и не потому, что хочет попробовать себя в разных ролях. Кто работает в таком журнале, делает это по принципиальным соображениям, в полном согласии с тем, что лежит в основе профиля такого издания [Breuer: 90].

А профиль такого журнала — националистическая идеология фёлькиш² и радикальный антисемитизм. Перед Ген-

² Немецкое слово «völkisch» с некоторой натяжкой переводится на русский язык нейтральным словом «народный». В современном немецком языке это слово имеет четкий негативный оттенок: националистический, расистский, ксенофобный. Движение фёлькиш (Völkische Bewegung) — это политическая идеология, распростра-

рихом Манном главным редактором «Двадцатого века» полтора года, с апреля 1893-го по октябрь 1894-го, пробыл знаменитый в то время идеолог движения фёлькиш Фридрих Линхард. Лицо журнала определяли большие хвалебные статьи о Пауле де Лагарде, Жозефе Артюре де Гобино и других сторонниках расовой теории, провозглашавших превосходство нордической расы. Об идеологических установках редакции убедительно говорит содержание любых тетрадей журнала, вышедших в свет перед самым назначением Генриха главным редактором и собранных в первый полутом пятого года издания [*Das Zwanzigste...* 1895: V₁]. В статье «Из времен начала антисемитского движения» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₁, 410—415] прославлялись убежденные антисемиты Отто Глагау и пастор Адольф Штекер, резко осуждался канцлер Бисмарк за свою связь с еврейскими финансистами «Бляйхредерами и Ротшильдами». В статье «Изгнание евреев из Испании в XV веке» действия испанской королевской семьи и инквизиции объявлялись достойными подражания и в Германии, а результаты еврейской эмансипации предлагалось объявить ошибкой и лишить евреев прав, которыми обладают остальные граждане Германии [*Das Zwanzigste...* 1895: V₁, 258]. В заметке «Еврейство и его миссия» переселение немецких евреев в Палестину всячески приветствовалось, в этом автор видит решение «еврейского вопроса» для немцев [*Das Zwanzigste...* 1895: V₁, 284]. На другие темы в номере практически не оставалось места.

С приходом Генриха Манна на пост главного редактора содержание журнала практически не изменилось. Достаточно посмотреть на оглавление второго полутома журнала за 1895 год, где впервые на обложке появилось имя нового главного редактора [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂].

Генрих выступал как убежденный враг капиталистических отношений, постоянно противопоставляя им патриархальные, народные. При этом все недостатки совре-

ненная в Германии конца XIX — начала XX века, ставшая одним из источников национал-социализма.

менной цивилизации он связывал с евреями. Показательно название первой же редакционной статьи «Реакция!», появившейся в апреле 1895 года. В ней присутствуют основные аргументы антисемитов того времени. Уже во втором предложении статьи упоминаются парламентаризм, биржа и пресса крупных городов, которые угрожают разрушить благосостояние простых граждан, крестьян и ремесленников, являющихся основой государства [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 1].

Парламентаризм в глазах Генриха Манна и его единомышленников считался рабочим инструментом евреев, которые с его помощью намереваются свергнуть монархию и установить собственное господство над страной и миром. Этой же цели служит и пресса крупных городов, оказавшаяся в руках «шахер-махеров и спекулянтов» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 8]. На словах пропагандируя либерализм, пресса не служит свободе, а укрепляет господство финансового капитала, который давно находится в еврейских руках. Буржуазная революция 1848 года «имела единственным результатом передачу государственного имущества и, соответственно, политического влияния в руки немногих людей, которые мало или ничего общего с нашим народом не имеют и являются лишь балластом на его шее» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 8].

Вся эта риторика Генриха Манна воспроизводит хорошо известные доводы сторонников так называемого экономического антисемитизма. Но к ней главный редактор «Двадцатого века» добавляет аргументы расистской идеологии фёлькиш. Еврей отделен от «нашего народа», не смешивается с ним, не является его частью. Он принадлежит другой расе, и никакое крещение, отказ от собственной религии не изменят главного: еврей не просто «другой», чем немец, он враг немцу, «балласт на его шее». Либерализм, в понимании Генриха Манна, есть еврейское понятие, чуждое немецкому духу. Национальное государство должно основываться на идеологии фёлькиш, евреям в нем места быть не должно.

Так к концу XIX века созрела мысль, ставшая ведущей в идеологии Третьего рейха. Ее удачно сформулировали Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно: «Для фашистов

евреи не просто меньшинство, но противоположная раса, от ее уничтожения зависит счастье человечества» [Horkheimer, Adorno: 151].

Следует подчеркнуть, что называть Генриха Манна в конце XIX века «убежденным консерватором», как делают некоторые исследователи [Thiede: 60], нет оснований. В той самой редакционной статье «Реакция!» Генрих, ругая парламентаризм и свободную конкуренцию, одновременно предупреждает об опасности их ограничения [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂].

Буржуазная революция только тогда имеет смысл, говорит главный редактор журнала, когда ее результатом становятся гражданские свободы, естественное, ничем не скованное течение общественной жизни, живой обмен духовными ценностями и, в целом, укрепление могущества Германии. Вряд ли такие мнения мог высказать «маховый консерватор», каким его пытается представить Рольф Тиде. Зато предрассудки агрессивного антисемитизма в публицистике старшего из братьев Манн налицо.

Противоположность немецкого и еврейского Генрих Манн видит среди прочего в несовместимости религиозных представлений. «Среди признанных конфессий в немецком государстве имеется одна, которая наши представления о Боге разделяет лишь частично, а нашу веру в бессмертие души отрицает полностью» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 1].

Вопрос веры поднят тут прежде всего как вопрос власти. Манн пишет в редакционной статье:

Стоит нам только допустить, что наше общественное устройство строится без божественного авторитета, то это будет равносильно тому, что мы рубим сук, на котором сидим <...> Все, что остается, есть, как обычно, вопрос о власти [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 6].

То, что евреи привержены не Новому, а Старому Завету, отрицают догмат Троицы и не верят в воскрешение из мертвых, есть не просто отличительные признаки иноверца. Своим неверием в воскрешение Спасителя евреи пытаются разрушить существующий государственный

строй, неразрывно связанный с христианством, чтобы самим захватить политическую власть. Генрих Манн следует в этом апостолу Павлу, который в Первом послании коринфянам предупреждал: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1. Кор: 15, 13–14).

Подменяя иудаизм материализмом, который, по его мнению, насаждается евреями и ведет к упадку нравов, Генрих Манн приписывает евреям попытку «на научной основе построить такое мировоззрение, в котором нет места ни Творцу, ни душе» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 3].

Автор пророчествует: «Тогда, к сожалению, слишком поздно, каждый поймет, что все, что сейчас зовется прогрессом, на самом деле было реакцией» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 8].

Надо сказать, что особой набожностью Генрих никогда не отличался. Из трех видов антисемитизма, присутствовавших тогда в обществе, — расистско-националистического, экономического и религиозного (антииудаизма) — последний занимает писателя в наименьшей степени. К лидирующему положению в обществе, к чему стремятся, по мнению главного редактора «Двадцатого века», все евреи, ведут, прежде всего, экономические рычаги, а религия, культура и политика играют вспомогательные роли. Главные угрозы благополучию Германии, с которыми борются истинные защитники отечества, убежденные антисемиты, представляют собой «свобода предпринимательства, свободная конкуренция и неограниченная политическая свобода» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 8]. За всем этим, как и вообще за капитализмом, наукой и просвещением, стоят евреи, которых он видит главным образом как банкиров и биржевых спекулянтов.

«Экономический антисемитизм» Генриха Манна проявляется и в других статьях и заметках «Двадцатого века». Например, в эссе «Крестьянская поэзия» с одобрением цитируется откровенно юдофобское стихотворение предшественника Генриха Манна на посту главного редактора Фридриха Линхарда. В нем автор сетует на неминуемый закат немецкого ремесленничества, не выдержи-

вающего конкуренции с более дешевой, но худшего качества продукцией еврейских производителей [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 354].

Основная экономическая деятельность евреев происходит, естественно, в крупных городах, прежде всего в Берлине. Генрих Манн утверждает в заметке «При немцах», что внешний вид немецкой столицы определяют еврейские парвеню, выскочки, дорвавшиеся до денег и с их помощью добившиеся реальной власти, вышедшие на первые позиции в обществе [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 581].

Экономическая власть биржевиков преобразуется в политическое господство: не немцы, а евреи хозяйничают в государстве, которое из немецкого постепенно превращается в еврейское. Генрих Манн без комментариев переводит слова французского писателя польского происхождения Теодора де Визева, полностью с ними соглашаясь:

Новая аристократия день за днем занимает места старой. Виллы, которые обрамляют Тиргартен, их окружение, экипажи, проезжающие «под липами», — все это принадлежит новым господам, советникам коммерции, биржевым маклерам, промышленникам и т. д., личностям, которые совсем недавно пришли неизвестно откуда [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 581].

И далее уточняется: «В торговле, банковском деле, журналистике, в адвокатуре и в медицине большинство образуют израэлиты» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 582]. Со времени рецензии на книгу Теодора де Визева этот стереотип о всеохватывающей власти евреев в Германии перейдет и в художественные тексты Генриха Манна.

К этой заметке тематически примыкает другая статья Генриха в «Двадцатом веке», названная «Мировая столица и большие города». Хотя в ней основную роль играет Лондон, описание англичан очень напоминает картины еврейской жизни в Берлине, который по сравнению с мировой столицей кажется автору идиллией:

Каким бы ни было односторонним развитие Берлина в направлении деловых связей, город все же хранит в себе, не смотря ни на что, множество счастливых черт маленьких го-

родков, содержит немало естественных, не зачищенных цивилизацией элементов и сохраняет в огромной карьеристской физиономии черты неповторимого характера [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₁, 201–202].

Что для города, что для человека — лицо отражает характер, внешность показывает суть. Генрих Манн видит в еврейской внешности то, что рисуют на антисемитских карикатурах, — разрушение и деградацию личности. Зато внешний вид немца показывает гармонию души и тела, недоступную для погрязших в материализме евреев. Берлин становится полем битвы двух типов характеров: нахального и нахрапистого еврейского с обещающим всеобщее счастье идиллическим немецким. Экономический антисемитизм Генриха Манна, начиная с этой статьи, все отчетливее подменяется чертами расовой юдофобии.

Даже в экономических отношениях для главреда «Двадцатого века» главную роль играют расовые характеристики. Капитализм, свободная торговля, невмешательство государства в деловые отношения — все это «еврейские придумки». Но эти же идеи развивает так называемая Манчестерская школа экономики. Это дает основания провести параллель между евреями и англичанами, которым в Европе часто приписывают многие еврейские черты. На близость евреев и англичан указывал французский антисемит Луи Мартен, написавший брошюру «Не еврей ли англичанин?». В рецензии на нее с выразительным названием «К психологии еврея» Генрих пишет:

В масонстве он видит средство, которым евреи совместно с англичанами (оба народа относятся к «женским расам») хотят тайно подорвать особенности «мужских» наций, таких как немцы или французы. Между еврейским и английским характером автор проводит остроумные параллели [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₁, 178].

Как же быть с распространенным у расистов мнением, что англичане и немцы представляют одну, так называемую нордическую расу? Эту трудность Генрих Манн и его единомышленники обходят таким хитроумным приемом.

Население Великобритании они разделяют на англичан и шотландцев, которые почти не отличаются от немцев. Об этом напоминает опубликованная в «Двадцатом веке» статья Генриха Манна «Наблюдения французского студента в Германии». В ней приводится мнение француза Жана Бретона, который, будучи в Лейпциге в 1895 году, обратил внимание, что у немецких и шотландских народных песен много общего. Отсюда он сделал вывод, что шотландская душа, из которой и льются народные песни, есть, по сути, душа германская [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 147]. Шотландцы, по мнению Генриха Манна, противостоят англичанам на Британских островах, как немцы противостоят евреям в Германии.

Принцип английской культуры, который равносителен принципу необузданной свободы, побеждает человеческую силу и осторожность. И пока он насаждается среди нас крошечной кликой, действующей в своих интересах, люди становятся рабами слепых обстоятельств [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₁, 204].

Лондон видится автору статьи «Мировая столица и большие города» местом, где под влиянием евреев «классовые противоречия до крайности обострились и жизнь стала убогой и жалкой из-за беспощадного, все ломающего на своем пути принципа свободной конкуренции» [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₁, 202]. В выигрыше остается только быстро богатееющая буржуазия. Центром, где сходятся все нити, управляющие миром, является лондонская биржа.

Описание ужасов английской метрополии нужно автору как предупреждение, чтобы развитие событий в Берлине не привело к повторению лондонского кошмара. Антисемитизм в Германии не дает «крошечной клике» окончательно захватить власть. В глазах Генриха Манна антисемитизм есть благо, ибо дает надежду, что Берлин не станет Лондоном.

Мнение о похожести англичан и евреев было довольно распространено среди немецких националистов. Знаменитый физик Филипп Ленард, ставший в начале XX века одним из первых немецких нобелевских лауреатов

за исследования катодных лучей, посетил в 1890 году Англию и остался разочарован недружелюбным приемом британских коллег. К тому же Ленард считал, что английский физик Джозеф-Джон Томсон, который тоже получил Нобелевскую премию в 1906 году, украл у него фундаментальное открытие. Томсон внимательно следил за опытами и высказываниями Ленарда и опубликовал доказательства того, что катодные лучи есть поток отрицательно заряженных крохотных частиц, получивших название «электроны», не отметив при этом решающую роль немецкого физика в этом открытии.

В воспоминаниях, написанных во времена Третьего рейха, Ленард подчеркивает: «Англия уже была в те времена весьма существенно объевреена, чего я тогда еще отчетливо себе не представлял» [Schirmacher: 51].

Но вернемся к «Двадцатому веку» и статьям его главного редактора. Пожалуй, наиболее ярко отношение Генриха Манна к евреям проявилось в работе со странным, на первый взгляд, названием. В нем слова стоят в родительном падеже: «Еврейской веры» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 455]. Генрих Манн взял это словосочетание из имени недавно созданной организации «Объединение немецких граждан еврейской веры». Автор объявляет разрушительными элементами евреев, которые прикрываются своей религией, а на самом деле ставят на первое место только деньги и исповедуют голый материализм [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 455]. Еврейский бог, по мнению Генриха Манна, погружен в дела мирские, материальные. Настоящих верующих среди современных европейских евреев нет. «Люди еврейской веры» остались лишь за границей Германии, в Польше, Галиции и других восточноевропейских странах. По выражению старшего Манна, это «бедные черти, закосневшие в ортодоксии их отцов» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 455], они заняты мелкой торговлей и попрошайничеством, их влияние на общество минимально. Антисемиты ими не интересуются. Только когда евреи с периферии начнут рваться в центр и добиваться власти, тогда они становятся опасными, и истинные патриоты должны им противостоять. Но евреи, рвущиеся к богатству и власти, перестают быть верующими иудеями, а становятся «капиталистами, миллионерами, финансовой

аристократией, определяющей экономическую жизнь в немецкой империи» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 458].

Среди остальных евреев, особенно принадлежащих к так называемому среднему классу, искать религию бессмысленно, они давно распрощались с иудейской традицией. Их религиозная деятельность есть только ширма, прикрывающая заветное желание каждого еврея: «...всеми средствами, которые случайно не были предусмотрены в Уголовном кодексе, подняться наверх, путь к первому миллиону для них — лишь промежуточный этап» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 456].

Генрих Манн приходит к выводу, что сочетание «немецкий гражданин еврейской веры», фигурирующее в названии объединения, внутренне противоречиво. И вся организация «Объединение немецких граждан еврейской веры» есть, по сути, объединение неверующих. То есть название организации есть обман, ширма, скрывающая истинные цели ее членов: пробиться в высшие слои общества, завладеть экономической и политической властью. Это стремление к власти Генрих Манн объясняет с откровенно расистских позиций:

В общей семье европейских народов есть один, совершенно другого вида, который инстинктивно или сознательно объединен по расовому принципу и постоянно настроен враждебно к другим расам, постоянно стремится увеличить свое влияние, от мира торговли к миру идей и мнений и отсюда к миру политических действий [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 461].

По сути, это объявление войны всем евреям, представляющим «другой вид», желающий зла «нормальным людям». Мысль, которую можно было понять и из эссе «Реакция!», теперь высказана так, что ее нельзя не понять: евреи принадлежат к особой расе, враждебной человечеству. Слова Генриха фон Трайчке «Евреи — наше несчастье» получают усилиями Генриха Манна расовое обоснование.

Сторонники расовой теории верили, что раса определяет не только характер, но и внешность человека. У немцев вид еврея вызывает отвращение и неприязнь. Особен-

но возмущает бросающаяся в глаза созданная одной лишь хитростью роскошь выскочек, этих пронырливых чужаков, смуглых, жирных, безобразных [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 460 и сл.].

Похожими эпитетами будет наделять евреев спустя годы и Томас Манн. В дневниковой записи в июле 1919 года он отмечает, что еврейка-соседка по купе «сутулая, жирная и коротконогая, один вид которой вызывает рвоту» [Mann 1979: 280].

По мнению Генриха Манна, еврей олицетворяет все, что унижает и умаляет человека [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 462]. Автор сравнивает живую немецкую душу и беспочвенный еврейский дух, вспоминая при этом, как Генрих Гейне противопоставлял эллинов и назареев [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 457]. Правда, это не мешает Манну в другой статье «Шейлок, “трагический герой”» утверждать, что «самый германистский поэт Шекспир искажается самым еврейским писателем Гейне» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 96]. В чем же суть искажений, против чего восстает Генрих Манн вслед за Фридрихом Линхардом³, чью заметку в журнале «Die Kritik» он рецензирует? Оказывается, Гейне в книге «Шекспировские девушки и женщины» сочувственно изобразил богатого еврея Шейлока из драмы «Венецианский купец». «К вящей славе иудейства», — добавляет автор рецензии. Гейне называет пьесу Шекспира трагедией, а Шейлока трагическим героем, судьба которого вызывает слезы у чувствительных дам. По мнению Фридриха Линхарда и Генриха Манна, еврейские актеры, играя роль Шейлока, совершают ту же преднамеренную ошибку: представляют своего соплеменника «симпатичным и интересным», в то время как он, по словам шекспироведа Вильгельма Дехельхойзера, которого цитирует Манн, является «дьяволом в человеческом облике».

Антисемитскими предрассудками пронизана заметка с многозначительным названием «Семитский дух и гер-

³ В рецензии Генриха Манна он ошибочно назван Фрицем.

манский мир», опубликованная в том же втором полутоме 1895 года. Главный редактор «Двадцатого века» вменяет евреям в вину общественные беспорядки, травлю честных граждан в продажной прессе, одурманивание простых людей враждебной пропагандой. Именно против этих безобразий и направлен «здоровый антисемитизм», отражающий интересы народа [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 302].

Заметка «Международная спекуляция» осуждает оба интернационала — социалистический и капиталистический, в обоих, естественно, заправляют евреи, пьющие соки из немецкого общества [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 309]. Для Генриха Манна того времени понятия «еврей» и «капиталист» совпадают. Это распространенный стереотип, взятый на вооружение антисемитами правого и левого лагерей. Та же мысль проводится и Карлом Марксом в знаменитой статье «К еврейскому вопросу» [Маркс].

Генрих Манн не ограничивается Шекспиром, а идет дальше вглубь истории и утверждает, что и «Цицерон был антисемитом» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 82]. И причину такого распространения антисемитизма в пространстве и времени он видит в опасности, которую представляют евреи для остального мира. Об этом буквально кричит каждый выпуск «Двадцатого века». Например, статья Пауля Дена (Paul Dehn) «Alliance Israelite Universelle» вскрывает опасную «антинемецкую» деятельность одноименного международного еврейского общества, образованного в 1860 году в Париже [*Das Zwanzigste...* 1895: V₁, 589].

Какое же спасение от «крошечной клики», захватившей власть в Германии, видит главный редактор «Двадцатого века»? Эта клика силой насаждает повсюду материализм во взглядах, безжалостный капитализм в экономике, эксплуатацию человека человеком. Вряд ли поможет изменение законодательства, направленное на помощь социально слабым слоям общества. Такой подход противоречит модным представлениям социал-дарвинизма, согласно которым помощь слабым и неспособным к созидательному труду людям только вредит общественному прогрессу. С кликой разбогатевших выскочек, наглых карьеристов, «новых аристократов», другими словами, с дорвавшимися до власти евреями может справиться «глубокое и мощное народ-

ное движение, которое называется антисемитизмом». Всматриваясь в себя, Генрих находит и психологическое обоснование борьбы с евреями:

В каком-то смысле они представляют собой укор нашей совести. Ежедневно напоминают они нам ту цену, которую мы должны заплатить за неверно понятую и вымученную «свободу», за насильственное отрицание нашего природного самосознания, за скорое прекращение социального роста. Мы принуждены к этим противоестественным состояниям, так как они необходимы тем, кто сам является инородным телом в нашем обществе. Мы должны полностью восстановить нашу здоровую суть, тогда все беспокоящие нас симптомы пропадут сами собой. Каждый руководитель, обладающий национальной и социальной совестью, по необходимости должен быть антисемитом; но подавление еврейства не является для него целью и смыслом его усилий, это просто естественное следствие его действий [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 462].

Через несколько лет мировоззрение Генриха Манна радикально изменится. Особенно отчетливо это видно, если сравнить его статьи в журнале «Двадцатый век» и опубликованное в 1915 году эссе «Золя», так сильно уязвившее Томаса Манна и ставшее одной из причин разрыва отношений между братьями. В этом эссе Генрих Манн целиком на стороне Эмиля Золя, французского писателя, осуждавшего антисемитскую травлю капитана Дрейфуса. Но в ранних статьях, написанных именно в те годы, когда разворачивалось «дело Дрейфуса», главный редактор «Двадцатого века» был идейно солидарен с гонителями французского капитана-еврея.

Такое резкое изменение взглядов ставило в тупик литературоведов и биографов писателя, особенно действовавших в жестких рамках марксистской идеологии. Например, в Германской Демократической Республике Генрих Манн служил символом интеллигента-демократа, перешедшего на сторону рабочего класса. Но статьи в «Двадцатом веке» написал явно не демократ, а скорее, консерватор-националист, к тому же антисемит, видящий в евреях виновников всех народных бед. Коммунист и издатель

многоотомного собрания сочинений писателя в ГДР Альфред Канторович так высказался об этих текстах Генриха:

Невозможно поверить, что он, который позднее блестяще прославил борьбу Золя за исправление совершенных под антисемитским давлением преступлений юстиции в отношении французского капитана Дрейфуса, во времена злополучного «дела» сам попал под влияние противоположных настроений [Thiede: 7].

И чтобы не портить сложившийся у читателя облик прогрессивного интеллигента, издатель не стал публиковать компрометирующие тексты в собрании сочинений писателя. Статьи для «Двадцатого века» были объявлены незрелыми и не имеющими значения для последующего творчества Генриха Манна. Оправданием для такой оценки служит, по мнению Канторовича, молчание писателя об этом коротком периоде, которое он хранил до конца жизни.

Томас Манн в «Двадцатом веке»

Нет никаких оснований считать, что Томас Манн не разделял в то время мировоззрение старшего брата. В мае 1896 года Томас писал другу молодости Отто Граутофу:

С некоторых пор мой брат здесь, я усердно помогаю ему редактировать его журнал и, кроме того, пишу одну новую, совершенно психопатическую новеллу [Mann 1975: 74–75].

В письме, написанном спустя почти год после начала работы братьев Маннов в одиозном журнале, не чувствуется ни малейшего недовольства его направленностью. Далее в этом письме будущий автор «Будденброков» делится технологией работы в «Двадцатом веке»:

Я больше не знаю, что мне читать, — на меня обрушился ливень из экземпляров, присланных на рецензию. Я читаю только издательскую рекламу и пишу, по настроению, добро-

желательный или издевательский отзыв. Для июньской тетради я как раз сочинил пару более длинных статей, которые с тем же успехом могли бы принадлежать господину Гардену и которые я тебе, наверное, pošлю [Mann 1975: 75].

С октября 1895 по конец 1896 года Томас написал минимум восемь статей и заметок на литературные, психологические и социальные темы. Вот они в порядке выхода в свет: «Любовный собор» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 522], «Ze Garten» [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₁, 109], «Дунайские напевы. Стихотворения Теодора Хуттера» [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₁, 282–284], «Тирольские предания» [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₂, 290–292], «Национальный поэт» [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₂, 296–298], «Дагмар, Лесепс и другие стихотворения» [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₂, 387], «Критика и творчество» [*Das Zwanzigste...* 1897: VII₁, 81–84], «Карл фон Вебер: Честь обязывает» [*Das Zwanzigste...* 1897: VII₁, 189 и сл.].

Эти работы подписаны инициалами «М» или «Т. М.», авторство Томаса Манна бесспорно, статьи включены в самое авторитетное собрание сочинений писателя — Большое комментированное франкфуртское издание [Mann. *Große...*]. Возможно, что некоторые неподписанные заметки в «Двадцатом веке» тоже написал Томас Манн. Но каждый такой случай требует серьезного обоснования. К сожалению, встречаются откровенные спекуляции. Вот пример. В журнале «Двадцатый век» есть статья, которую автор книги «Томас Манн, Германия и евреи» Жак Дармон приписывает младшему из братьев Маннов [Darmon: 18]. Статья называется «Профессор Ломброзо» и содержит типичные для того времени антисемитские нападки на «итальянского профессора еврейского происхождения из Турина» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 517].

Мне представляется, что эту неподписанную статью готовил не Томас Манн. В то время он еще не был знаком с работами Ломброзо. Как пишет в работе «Нарциссизм и иллюзионистские формы существования» известный специалист по творчеству Манна Ганс Вислинг (Hans Wysling), будущий автор «Доктора Фаустуса» узнал о работах Ломброзо именно из рассматриваемой статьи в жур-

нале «Двадцатый век» [Wysling: 317]. Скорее всего, статью «Профессор Ломброзо» написал главный редактор журнала — Генрих Манн, — уже знакомый с основным трудом профессора «Гений и безумство» (в русском переводе «Гениальность и помешательство») [Ломброзо].

Статьи Томаса Манна в «Двадцатом веке» лишены того агрессивного антисемитизма, который отличает работы его старшего брата в том же журнале. То, что Генрих разделял крайне националистические, юдофобские взгляды расистской идеологии фёлькиш, видно уже по первым фразам его статей. Мнения Томаса выражены не так резко, в них антисемитизм не выступает основой мировоззрения, как у старшего брата. Но все равно, внимательное чтение статей Томаса, содержащих множество антисемитских стереотипов, не оставляет сомнений в предвзятом и негативном отношении к чужакам-евреям.

Возьмем, к примеру, рецензию на стихотворения Теодора Хуттера, явного приверженца идеологии фёлькиш. Красноречив выбор Томаса Манн в качестве «самого замечательного творения» этого автора стиха «Пробуждайся, мой народ». Это типичный пример рифмованной националистической пропаганды, предвосхитивший нацистский лозунг «Пробуждайся, Германия!».

В стихотворении говорится о враге, который давно уже проник на немецкую землю. Этот враг — проклятие каждого народа, с помощью обольщения и обмана он совращает простых людей, лишая их чести и достоинства. Автор стихотворения предупреждает:

Внешний враг никогда тебя не победит, но не расслабляйся в сладких дремах перед лицом внутреннего врага. Огнем гнева выметай его из всех пределов твоей земли и не давай ему ставить палатки кочевников [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₁, 284].

Любой человек, знакомый с риторикой идеологии фёлькиш, тем более такой внимательный читатель, как Томас Манн, не может не понять, что под коварным врагом, старающимся совратить, обмануть и, в конечном счете, уничтожить немецкий народ, Хуттер подразумевает

евреев, пришедших с Востока, но так и не пустивших корни в немецкую почву (они ставят временные палатки вместо надежных домов).

Эти образы, которыми восхищается Томас Манн, через треть века будут в ходу у нацистов, «огнем гнева» истреблявших евреев по всей Европе. И модный после капитуляции Германии в 1918 году тезис о еврейском «ударе ножом в спину», которым якобы была повержена страна в Первой мировой войне, оказывается не новым, о том же внутреннем враге говорит стихотворение Теодора Хуттера.

По стандартам идеологии фёлькиш написана Томасом Манном заметка «Об одном национальном поэте» — Карле Вайсе. Автор рецензии утверждает, что во Франции, да и во всей Европе, национальное чувство становится данью литературной моды. В то же время «в Германии национальное чувство имеет глубокие корни, так как немцы, будучи самым молодым и здоровым культурным народом Европы, призваны быть и оставаться носителями любви к отечеству, религии и семейным ценностям» [*Das Zwanzigste...* 1896: VI₂, 297].

Семья — это ячейка общества, семьи образуют народ, а народы — расу. Не признают эти важнейшие для любого патриота ценности — отечество, семью и религию — лишь безродные космополиты, за душой которых нет ничего святого. Они отделены от традиции, не умеют и не хотят работать, любят только удовольствия. Подобные рассуждения молодого консерватора Томаса Манна вполне в духе журнала «Двадцатый век».

В октябре 1896 года Томас опубликовал в том же журнале заметку «Критика и творчество». Автор считает, что нет оснований противопоставлять писателя и критика, никто из них не лучше и не хуже другого, каждый по-своему художник. Критика Манн называет «мастером перевоплощения»:

Сент-Бев, Леметр и Брандес являются интересными, одухотворенными людьми, всегда находящимися в поиске художественных личностей, в которых они раскроются, в которых они могут перевоплотиться [*Das Zwanzigste...* 1896: VII₁, 83].

И дальше идет любопытное уточнение:

Георг Брандес, рассматриваемый как частное лицо, является совершенно неинтересным либеральным евреем, но он смог, при определенных обстоятельствах, зачеркнуть себя и стать Гейне, Мериме, Тиком или еще кем-то другим — или их сыграть [*Das Zwanzigste...* 1897: VII, 83].

Это пренебрежительное напоминание о национальности знаменитого датского литературного критика напоминает о «провинциальном антисемитизме» молодого литератора, лишь пару лет назад уехавшего из родного Любека. К этому нужно добавить антисемитизм эстетический, рано проявившийся у начинающего писателя. Девятнадцатилетним молодым человеком он, не скрывая презрения к далеким от искусства нуворишам, писал другу Отто Граутофу 13—14 ноября 1894 года о театральном Берлине, в котором тон задавал «полностью модернистский премьерный Израиль» [Mann 1975: 18].

Однако ставить высказывание Томаса Манна о перевоплощении критика на одну доску с призывом Рихарда Вагнера «уничтожить в себе еврея», прозвучавшим в известном антисемитском памфлете «Еврейство в музыке» [Wagner: 65], нет оснований. Именно это, к сожалению, делает Рольф Тиде в книге «Стереотипы евреев» [Thiede: 77].

По Вагнеру, даже лучшие композиторы еврейского происхождения лишены подлинно творческого начала, они способны лишь подражать настоящим гениям или их интерпретировать. Как и Карл Маркс, Вагнер предлагает радикальное решение извечного еврейского вопроса: «Для еврея сделаться вместе с нами человеком значит прежде всего перестать быть евреем» [Wagner: 85]. Свой памфлет он заканчивает многократно цитируемыми и часто неверно понятыми словами:

Становитесь же не стесняясь, — скажем мы евреям, — на правильный путь, так как самоуничтожение спасет вас! Тогда мы будем согласны и, в известном смысле, неразличимы! Но помните, что только это одно может быть вашим спасением

от лежащего на вас проклятия, так как спасение Агасфера — в его гибели [Wagner: 85].

Здесь, конечно, речь не идет о физическом уничтожении евреев — пример поэта Людвиг Берне, приведенный Вагнером строчкой выше, не оставляет в этом сомнений. Точно так же призыв «убить в себе курильщика» означает просто «бросить курить», а не лишить себя жизни. Но и без призыва к массовым убийствам вагнеровский памфлет наполнен такими антиеврейскими пассажами, которые и по сей день охотно берут на вооружение антисемиты разных мастей.

Ничего подобного вагнеровским обвинениям в адрес евреев в заметке молодого Томаса Манна нет. Короткое эссе «Критика и творчество», хоть и содержит ехидное упоминание о «либеральном еврее» Брандесе, выполненное во вкусе постоянных читателей «Двадцатого века», начисто лишено агрессивной расовой ненависти, характерной для памфлета Вагнера и статей Генриха в издаваемом им журнале.

Говоря о способности критика к перевоплощению, Томас Манн и не думает унизить Георга Брандеса. Нигде в тексте эссе не говорится о неспособности евреев к самостоятельному творчеству. Речь идет о стирании граней между критикой и писательским трудом, о признании критики своеобразным жанром литературы.

Любопытно, что критиком, ставшим героем заметки Томаса, оказался Альфред Керр, будущий злейший литературный враг писателя. Это о нем через треть века Манн напишет в дневнике злые слова: «В том, что прекратятся высокомерные и ядовитые картавые наскоки Керра на Ницше, большой беды не вижу» [Mann 1977: 46]. Тогда же, в 1895 году, отношение начинающего писателя к маститому критику оставалось еще уважительным.

Среди некоторых зарубежных манноведов существует мнение, что отношение юного Томаса к евреям уже тогда было двойственным, как говорят психологи, амбивалентным. Так считает, например, известный исследователь творчества автора «Будденброков» Генрих Детеринг. Он ссылается на статью Манна «Генрих Гейне, “хороший человек”», в которой тот защищает поэта от непонимающих его обывателей [Detering: 21]. Однако это недоразумение. Томас Манн за-

щищает Гейне не как еврея, которого антисемиты называли «Гарри Гейне», а как художника, который выше банальных оценок «хороший» или «плохой»: «Нет, Генрих Гейне — во все не “хороший человек”. Он всего лишь великий человек. — Всего лишь!» [Mann. *Heinrich...* 23].

Двойственность, или амбивалентность, в отношении к евреям, о которой говорил Детеринг, станет наблюдаться у Томаса Манна лишь с начала XX века, особенно после знакомства с семьей Прингсхаймов и женитьбы на Кате.

В годы работы в «Двадцатом веке» ни о какой амбивалентности говорить не приходится. Неприязненное отношение к евреям молодого Томаса Манна объясняется господствовавшими настроениями его родного провинциального Любека, который он оставил всего пару лет назад. «Будденброки» еще не написаны, но боль за разрушенный Новым временем патриархальный быт традиционной немецкой торговой семьи ноет в душе. И по сложившимся стереотипам ответственность за торжествующий либерализм, свободную конкуренцию и прочие «прелести» наступающего капитализма несут евреи.

В Любеке, некогда богатом ганзейском городе, как и в тесно с ним связанных Бремене и Гамбурге, было особенно сильным сопротивление эмансипации евреев, угрожавшей традиционным экономическим привилегиям местного купечества. В начале XIX века на занятых войсками Наполеона территориях евреям были предоставлены равные права с другими гражданами. После разгрома французов наступила эпоха реакции, проведенная завоевателями эмансипация была сразу отменена, причем в Любеке евреев не только лишали выданных было прав, но и выселяли из города. Постановление сената от 1824 года запрещало евреям становиться новыми жителями, а те, кто уже проживал в Любеке, не могли больше обзаводиться семьями и должны были вести безбрачную жизнь, словно католические монахи [Erb, Bergmann: 86].

Окончательная эмансипация евреев Германии юридически установилась только с образованием Второй империи — в 1871 году. Тогда в конституции нового государства было записано равенство прав всех граждан. Но и после этого идея возврата к прошлому не оставляла горя-

чие головы. В опубликованной в «Двадцатом веке» заметке «Католический антисемитизм», которую Жак Дармон приписывает Томасу Манну [Darmon: 18], приводятся слова католического священника:

Кругом одно еврейство, не только еврейство на бирже, но и на политической кухне и фабрике общественного мнения, еврейство в публичной жизни, особенно в парламентаризме и политике, всюду еврейские клеветы, брюзжание, насмешки, придирки и разложение. Ищи еврейство не только в Израиле! Мы сами ведем себя как евреи, в нас, христианах, сидит еврей, которого надо изгнать. Мы, христиане, обьевили наши обычаи, мы, христиане, пишем свои статьи точно так же, как евреи пишут свои, мы, христиане, нападаем на христиан точно так же, как молодой еврей на гоев [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 520].

Автор заметки в «Двадцатом веке» того же мнения: «С обьевиением нашего духа можно согласиться» [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 520]. И дальше идут рассуждения о том, было ли уравнивание евреев в правах с остальными гражданами полезным или вредным деянием:

Как мы оцениваем эмансипацию евреев, если рассматривать ее строго с социал-политической и этнологической точек зрения? Удалась ли попытка поставить евреев вместе с нами, европейцами, на одну ступень? Или это никакое не решение, и наши отношения требуют изменения? [*Das Zwanzigste...* 1895: V₂, 520].

Если это слова Томаса Манна, как полагает Жак Дармон, то они представляют резкий контраст с самохарактеристикой писателя — «убежденный и несомненный филосемит», — опубликованной в 1907 году [Mann. *Die Lösung...* 174]. Хорош филосемит, который сомневается в необходимости эмансипации евреев и допускает для нее обратный ход! Если же это лишь мнение редакции журнала «Двадцатый век», то молодой Манн нигде не выразил своего несогласия с ним.

Поучительно проследить, как менялось отношение братьев Маннов к еврейскому вопросу в ходе их развития

как писателей. Генрих Манн поразительно быстро расстался со своим агрессивным антисемитизмом и уже с начала XX века описывал евреев в своих новеллах весьма доброжелательно и сочувственно (см., например, новеллу «Актриса», написанную в 1905 году [Thiede: 193]). Отказ от идеологии фёлькиш и антисемитской доктрины в политических установках быстро привел к изменению литературного содержания и стиля художественных работ Генриха.

Случай Томаса Манна более сложный. Его негативное отношение к евреям изначально не содержало такого мощного мировоззренческого заряда, как у старшего брата. Поэтому изменение политических установок происходило у него не так резко, как у Генриха. Более близкое знакомство с еврейским миром, наступившее после вхождения в дом Прингсхаймов, дальнейшее развитие событий в беспокойном XX веке повлияли на мировоззрение Томаса Манна, заставили в политических выступлениях встать на сторону преследуемых евреев, решительно осудить антисемитизм, протестовать против преступлений нацистской Германии. Уверенно можно сказать, что в политической публицистике он решительно порвал с позицией журнала «Двадцатый век», которую раньше поддерживал.

Но эти изменения мало затронули собственно литературное творчество автора «Будденброков». Еврейская линия в художественных новеллах и романах Томаса Манна не претерпела существенных ломок и перегибов. Внимательный читатель увидит те же негативные стереотипы в изображении целого ряда еврейских фигур от ранних новелл «Тристан» (1902), «Glaudius Dei» (1903), «Кровь Вельзунгов» (1906) (см. [Беркович 2016]) до позднего романа «Доктор Фаустус» (1947). То, что лишь намечалось в набросках для журнала «Двадцатый век», сохранилось и получило развитие в дальнейших работах писателя.

Как мастер слова Томас Манн был глубже и изощренней старшего брата, его художественное творчество не было так крепко связано с общественно-политическими установками и общим мировоззрением писателя, как у Генриха. Литература для Томаса лежала в иной плоскости, чем политика. Но то, что давало преимущество в художественном отношении, обернулось недостатком в изображении еврейской темы.

Литература

- Ант С.* Томас Манн. М.: Молодая гвардия, 1972. (ЖЗЛ).
- Беркович Е.* Томас Манн: меж двух полюсов // Студия. 2008. № 12. С. 73–96.
- Беркович Е.* Томас Манн в свете нашего опыта // Иностранная литература. 2011. № 9. С. 213–256.
- Беркович Е.* Работа над ошибками. Заметки на полях автобиографии Томаса Манна // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 118–180.
- Беркович Е.* Новелла Томаса Манна «Кровь Вельзунгов» и проблемы литературного антисемитизма // Нева. 2016. № 5. С. 122–145.
- Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство / Перевод К. Тетюшинова. М.: Рипол Классик, 2006.
- Маркс К.* К еврейскому вопросу / Перевод с нем. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения в 39 тт. Т. 1. М.: Гос. изд. политической литературы, 1955. С. 382–413.
- Томас Манн о немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники / Сост. Л. Дымерская-Цигельман, Е. Фрадкина. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990.
- Breuer S.* «Das Zwanzigste Jahrhundert» und die Brüder Mann // Thomas Mann und das Judentum. Die Vorträge des Berliner Kolloquiums der Deutschen Thomas Mann Gesellschaft / Hrsg. von Manfred Dierks und Wimmer Ruprecht. Frankfurt a. M.: Verlag Vittorio Klostermann, 2004. S. 75–96.
- Darmaun J.* Thomas Mann, Deutschland und die Juden. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003.
- Das Zwanzigste Jahrhundert. Blätter für deutsche Art und Wohlfahrt. 1895. Bd. 5. In 2 Bd.
- Das Zwanzigste Jahrhundert. Blätter für deutsche Art und Wohlfahrt. 1896. Bd. 6. In 2 Bd.
- Das Zwanzigste Jahrhundert. Blätter für deutsche Art und Wohlfahrt. 1897. Bd. 7. In 2 Bd.
- Detering H.* Heinrich Heine, der «Gute». Kommentar // *Mann Thomas.* Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. In 38 Bd. Band 14.2: Essays. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2002. S. 21–26.
- Erb R., Bergmann W.* Die Nachtseite der Judenemanzipation. Der Widerstand gegen die Integration der Juden in Deutschland 1780–1860. Berlin: Metropol Verlag, 1989.

Flinker M. Thomas Mann's politische Betrachtungen im Licht der heutigen Zeit. Gravenhage: Mouton, 1959.

Fritsch T. Antisemiten-Katechismus. Leipzig: Herrmann Beyer, 1887.

Horkheimer M., Adorno Theodor W. Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1988.

Mann Golo, Reich-Ranicki Marcel. Enthusiasmen der Literatur. Ein Briefwechsel. Aufsätze und Portraits. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2000.

Mann T. Briefe an Otto Grautoff 1894–1901 und Ida Boy-Ed 1903–1928 / Hrsg. von Peter de Mendelsohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1975.

Mann T. Tagebücher. 1933–1934 / Hrsg. von Peter de Mendelsohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1977.

Mann T. Tagebücher. 1918–1921 / Hrsg. von Peter de Mendelsohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1979.

Mann Thomas. Die Lösung der Judenfrage // *Mann Thomas.* Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 14.1: Essays I. 2002. S. 174–178.

Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 14.1: Essays I. 1893–1914.

Mann Thomas. Heinrich Heine, der «Gute» // *Mann Thomas.* Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 14.1. S. 21–23.

Schirmacher A. Philipp Lenard: Erinnerungen eines deutschen Naturforschers. Kritische annotierte Ausgabe des Originaltyposkripts von 1931–1943. Berlin: Springer Verlag, 2010.

Thiede R. Stereotypen von Jude. Die frühen Schriften von Heinrich und Thomas Mann. Berlin: Metropol Verlag, 1998.

Wagner R. Das Judentum in der Musik // *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. In 10 Bd. Bd. 5. Leipzig: Verlag von E. W. Fritzsch, 1898. S. 66–85.

Wysling H. Narzißmus und illusionäre Existenzform. Zu den Bekenntnissen des Hochstaplers Felix Krull. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 1995.

References

Apt S. Thomas Mann. Moscow: Molodaya gvardiya, 1972. (*The Lives of Remarkable People Series*). (In Russ.)

Berkovich E. Thomas Mann: Between Two Poles // Studiya. 2008. Issue 12. P. 73–96. (In Russ.)

Berkovich E. Thomas Mann in the Light of Our Experience // Inostrannaya literatura. 2011. Issue 9. P. 213–256. (In Russ.)

Berkovich E. Correction of Errors. Notes in the Margin of Thomas Mann's Autobiography // Voprosy literatury. 2012. Issue 1. P. 118–180. (In Russ.)

Berkovich E. Thomas Mann's Novel *The Blood of the Walsungs* and the Problem of Antisemitism in Literature // Neva. 2016. Issue 5. P. 122–145. (In Russ.)

Breuer S. *Das Zwanzigste Jahrhundert* und die Brüder Mann // Thomas Mann und das Judentum. Die Vorträge des Berliner Kolloquiums der Deutschen Thomas-Mann-Gesellschaft / Hrsgb. von Manfred Dierks und Wimmer Ruprecht. Frankfurt a. M.: Verlag Vittorio Klostermann, 2004. S. 75–96.

Darmaun J. Thomas Mann, Deutschland und die Juden. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003.

Das Zwanzigste Jahrhundert. Blätter für deutsche Art und Wohlfahrt. 1895. Bd. 5. In 2 Bd.

Das Zwanzigste Jahrhundert. Blätter für deutsche Art und Wohlfahrt. 1896. Bd. 6. In 2 Bd.

Das Zwanzigste Jahrhundert. Blätter für deutsche Art und Wohlfahrt. 1897. Bd. 7. In 2 Bd.

Detering H. Heinrich Heine, der 'Gute'. Kommentar // *Mann Thomas*. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. In 38 Bd. Band 14.2: Essays. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2002. S. 21–26.

Erb R., Bergmann W. Die Nachtseite der Judenemanzipation. Der Widerstand gegen die Integration der Juden in Deutschland 1780–1860. Berlin: Metropol Verlag, 1989.

Flinker M. Thomas Mann's politische Betrachtungen im Licht der heutigen Zeit. Gravenhage: Mouton, 1959.

Fritsch T. Antisemiten-Katechismus. Leipzig: Herrmann Beyer, 1887.

Horkheimer M., Adorno Theodor W. Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1988.

Lombroso C. Genius and Insanity / Trans. K. Tetyushinov. Moscow: Ripol Klassik, 2006. (In Russ.)

Mann Golo, Reich-Ranicki Marcel. Enthusiasmen der Literatur. Ein Briefwechsel. Aufsätze und Portraits. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2000.

Mann T. Briefe an Otto Grautoff 1894–1901 und Ida Boy-Ed 1903–1928 / Hrsg. von Peter de Mendelsohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1975.

Mann T. Tagebücher. 1933–1934 / Hrsg. von Peter de Mendelsohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1977.

Mann T. Tagebücher. 1918–1921 / Hrsg. von Peter de Mendelsohn. Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1979.

Mann Thomas. Die Lösung der Judenfrage // *Mann Thomas.* Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 14.1. 2002. S. 174–178.

Mann Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 14.1.

Mann Thomas. Heinrich Heine, der 'Gute' // *Mann Thomas.* Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 14.1. S. 21–23.

Marx K. On the Jewish Question / Translated from German // *Marx K., Engels F.* Collected works in 39 vols. Vol. 1. Moscow: Gos. izd. politicheskoy literatury, 1955. P. 382–413. (In Russ.)

Schirmacher A. Philipp Lenard: Erinnerungen eines deutschen Naturforschers. Kritische annotierte Ausgabe des Originaltyposkriptes von 1931–1943. Berlin: Springer Verlag, 2010.

Thiede R. Stereotypen von Jude. Die frühen Schriften von Heinrich und Thomas Mann. Berlin: Metropol Verlag, 1998.

Thomas Mann about the Germans and the Jews. Articles, Speeches, Letters, Diaries / Ed. L. Dymerskaya-Tsigelman and E. Fradkina. Jerusalem: Biblioteka-Aliya, 1990. (In Russ.)

Wagner R. Das Judentum in der Musik // *Wagner R.* Gesammelte Schriften und Dichtungen. In 10 Bd. Bd. 5. Leipzig: Verlag von E. W. Fritzsche, 1898. S. 66–85.

Wysling H. Narzißmus und illusionäre Existenzform. Zu den Bekenntnissen des Hochstaplers Felix Krull. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 1995.